

УДК 811.161.1'075.8

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ОКСЮМОРОННЫХ КОМПОЗИТОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

© Т.А.Корнеева

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности сложных адъективных новообразований в языке поэзии русских символистов, в частности эмоционально-оценочных композитов, включающих оксюморонное соединение производящих элементов, определяется их роль в создании особого поэтического языка конца XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: поэтический язык, адъективные композиты, оксюморон, окказиональное словообразование, поэты-символисты.

Окказионализмы как феномен языка и художественной речи привлекают внимание исследователей на протяжении уже многих лет. Классические работы по неологии [1-6 и др.] и современные исследования [5-6 и др.] отмечают такие особенности окказиональных образований, как: 1) контекстуальная обусловленность (*формирующий контекст* [6: 4]), 2) индивидуально-авторская эксклюзивность («неожиданность, непривычность, исключительность» [1: 256; 3], 3) экспрессивность, 4) «людичность» (языковая игра), 5) ярко выраженное структурное отличие от системных узуальных образований (образование по непродуктивным или малопродуктивным языковым моделям). Как отмечает Э.Ханпира, «окказиональное слово – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, обычной номинации, так и с художественной целью» [1: 249]. Различают морфологические, синтаксические, фразеологические, словообразовательные, лексические, семантические, фонетические и стилистические окказионализмы [1: 259-267, 285, 290, 300]. Окказиональные новообразования являются неотъемлемой частью когнитивно-аксиологической модели действительности, отражающей активное, творческое отношение носителя языка к формированию знания о «системно-структурной организации элементов *существующего*», «знания о человеке в его активном взаимодействии с миром» [7: 14, 25]. Новизна работы заключается в рассмотрении структурных и семантических особенностей сложных адъективных новообразований в языке поэзии русских символистов, в частности эмоционально-оценочных композитов, включающих оксюморонное соединение производящих элементов, и определении их

роли в создании особого поэтического языка конца XIX – начала XX веков.

Русские поэты-символисты, признавая «важнейшую гносеологическую и даже онтологическую роль» языка [8: 63] и стремясь создать особый поэтический язык для отражения мира идей, идеальной действительности и сокровенных переживаний героя, активно использовали сокровищницу окказиональных поэтических средств, которые стали для них одним из средств создания символа – метафоры, «наделённой особыми правами», метафоры, «творящей познание» [8: 68; 9-11]. К излюбленным поэтическим приёмам поэтов-символистов, по описанию В.Гофмана, относятся: катахреза («столкновение внутренне-противоречивых значений в процессе метафорического словоупотребления» [8: 80]), сочетание имён существительных с предметно-конкретным значением и отвлечённых существительных в форме родительного падежа (*олени лживых снов*), субстантивация эпитета-прилагательного (*золотая возможность дождей*), отвлечённые существительные с суффиксом *-ость* (*печальность, безглагольность*), создание плюральных форм от существительных группы *Singularia Tantum* (*светы, блески, мраки*), широкое употребление конструкций с префиксальными элементами *без, вне, за, не* (*безраздумно, бестревозно, безбурный, безлюдие*) [8: 89], различные виды сложных прилагательных, звуковая организация стиха, его музыкальность [8: 90], ритмико-синтаксический параллелизм и др. [8: 98].

Активное использование сложных адъективных новообразований является одной из стилистических особенностей поэтической речи русских символистов. Композиты у поэтов начала XX века превращаются в минимальный контекст, с помощью которого происходит образное конструирование мира, отражаются призрачные отношения и закономерности, усиливается сугге-

стивное воздействие символического произведения. Испытав влияние поэзии XIX века, особенно Ф.Тютчева и А.Фета, символисты значительно расширяют тип сложных образований с эмоционально-оценочным опорным компонентом. Группа сложных прилагательных (СП) с эмоционально-оценочным опорным компонентом (ОК) в поэзии символистов включает свыше 200 образований [12]. Наиболее представлены в ней композиты с антропоцентричными и оценочными опорными прилагательными.

Композиты с антропоцентричными ОК, выражающими признаки человека и того, что непосредственно связано с человеком, как правило, обозначают 1) отдельные черты характера человека (*властительно-строги*, К.Бальмонт [13: 322]; *сурово-кроткий*, А.Блок [14: 283]), 2) интеллектуальные свойства и состояния личности (*спокойно-мудрый*, В.Брюсов [15: 524]), 3) эмоциональное состояние (*шумно-весела*, К.Бальмонт [13: 417]), 4) отношение к миру и его проявлениям (*наивно-надменный*, К.Бальмонт [13: 495]), 5) физическую природу человека (*серебристо-утомлённый*, А.Блок [16: 279]), 6) персонафикацию образов или метафорическое переосмысление (*звёздно-чуткий*, Вяч.Иванов [17: 24]).

Композиты с оценочными опорными прилагательными, как правило, обозначают 1) эстетическую оценку (*победно-прекрасный*, *серо-убоги*, К.Бальмонт [13: 350]); 2) эмоциональную оценку (*ярко-радостный*, В.Брюсов [18: 137]; *радостно-грустный*, К.Бальмонт [13: 553]; *равномерно-жуткий*, А.Блок [16: 323]); 3) оценку чего-либо с точки зрения его отношения к действительности (*правдиво-лицемерный*, В.Брюсов [19: 83]; *отрадно-обманный*, И.Анненский [20: 357]); 4) вероятностную и нормативную оценку (*лилово-странный*, В.Брюсов [15: 52]; *блаженно-странный*, А.Блок [14: 212]).

Образование адекватных композитов на основе оксюморонного соединения элементов производящего субстантивного или адекватного словосочетания является одним из наиболее ярких средств создания поэтической образности в языке символистов [21: 34]. По замечанию Н.Кожевниковой, в поэтическом языке начала XX века оксюморон «стал одним из способов изображения мира как единства контрастных начал» [11: 31].

В языке поэзии русских символистов увеличивается (по сравнению с поэзией XIX века) количество оксюморонных композитов, т.е. составных прилагательных, содержащих семантически взаимоисключающие друг друга компоненты [22-24].

В результате происходит качественное изменение оксюморонных соединений. Так, собственно оксюморонными являются включающие антитезу образования К.Бальмонта *радостно-грустный*, *отдалённо-приближённый* [13: 553; 25: 44], А.Блока *умо-сердечный* (а также повторяющее его в контексте стихотворения «Последняя часть философской поэмы» составное прилагательное *мудро-любовный* как противопоставление рационального чувственному) [16: 476] и т.п. В большинстве других составных прилагательных происходит своеобразная деформация оксюморона [21: 33]: 1) в композите *правдиво-лицемерный* (В.Брюсов [19: 83]) семантически ослаблен опорный компонент (ср.: *правдиво-лживый*), 2) семантика опорного компонента сужена (конкретизирована): *бесстрастно-восторжен* (В.Брюсов [19: 234]) (ср.: *страстный* – «проникнутый сильным чувством» и *восторженный* – «исполненный восхищения»). Большинство составных прилагательных поэтов-символистов представляют собой полуоксюморонные соединения, т.е. структуры, объединяющие семантически неэквивалентные элементы, оксюморонным в них является лишь соединение контрастных сем (сем-антитез): *упоительно-жесток* (наслаждение-страдание) *мучительно-сладостный* (боль-наслаждение), *преступно-влюблённый* (противозаконный-законный), *изысканно-небрежны* (аккуратность-неаккуратность), *наивно-надменны* (простодушные-высокомерие), *рассчитанно-правдив* (неполнота-полнота качества правдивости) (К.Бальмонт [13: 659, 159, 514]); *любовно-суровый* (нежность-строгость) (В.Брюсов [18: 112]); *жалостно-чуткий* (признак «направлен» к субъекту – признак «направлен» от субъекта) (И.Анненский [20: 141]); *робко-жадный* (слабое – сильное проявление признака), *восторженно-безнадёжны* (радость – грусть), *торжественно-уныл* (радость – печаль), *тихо-горделив* (слабое – сильное выражение признака) (И.Коневский [26: 83, 84]); *буйно-заунывный* (стремительный – медленный) (Вяч.Иванов [17: 50]) и некоторые другие. С одной стороны, полуоксюморонные соединения передают противоречивые оттенки признаков, с другой – они в большей мере соответствуют задачам символистской поэзии – выражению полутонов, неясных ощущений, субъективных ощущений, субъективных прозрений, тайных чувствований (В.Брюсов [27: 98]).

Скрытый оксюморон можно наблюдать в стихотворении А.Блока: *Как сон молитвенно-бесстрастный, / На душу грешную сошла; / И веет чистым и прекрасным / Её прозрачные крыла. / Но грех, принявший отраженье, / В сре-*

де самих прозрачных крыл / Какой-то призрак
искушенья / Греховным помыслам открыл [16:
86]. Здесь в основу композита *молитвенно-
бесстрастный (сон)*, восходящего к адъективно-
му словосочетанию *молитвенно бесстрастный* с
семантикой сравнения («бесстрастный, как мо-
литва»), молитва по определению противоположна
страсти и страстям), положены семантически
близкие компоненты. Сравнение подчёркивает
спокойное, умиротворённое состояние духа во
время молитвы, а также акцентирует семы «не-
порочный», «духовный», «чистый», «искрен-
ный», присутствующие в лексеме *молитвенный*.
В контексте стихотворения лексема *сон* реализу-
ет значение «сновидение, грёза» и включает по-
тенциальное семантическое наращение *сон-
молитва*. Однако, с другой стороны, молитва
просящего страстная. Синкретизм семантики
адъективного композита, возможность реализа-
ции скрытой семы «страстный» оказывается
лейтмотивом развёртывания символического об-
раза стихотворения.

Появляются в поэзии символистов «двойные
оксюмороны»: *О, радость последнего чуда и
любви безнадёжно-последней! / Как яд, ты вли-
ваешь в желанья опьянительно-жуткую неж-
ность...* (В.Брюсов «Последнее счастье» [18:
288]). Семантика опорного компонента *жуткий*
«противоречит» семантике конкретизатора и се-
мантике определяемого существительного. Дан-
ный приём строится на метатезе основ, состав-
ляющих мотивирующее словосочетание лексем.
С одной стороны, наречие *жутко* мотивирую-
щего словосочетания *жутко опьянительный*
восходит к семантическому производному адъ-
ектива *жуткий* – «вызывающий чувство страха,
приводящий в ужас, страшный» – *жуткий* –
«большой, сильный» [28], определяя тем самым
высокую степень проявления признака, назван-
ного прилагательным *опьянительный* – «тума-
нящий сознание, дурманыющий». Эта семантика и
является первостепенной в сочетании композита
с определяемым существительным *нежность*.
Однако ритмический рисунок стихотворения и
метатеза компонентов адъективного композита
актуализирует исходный адъектив *жуткий* –
«страшный», а композит приобретает характер
оксюморона. С другой стороны, возникает сим-
волический образ последней любви как чувства,
состоящего из взаимоисключающих, контраст-
ных начал.

Открытия символистов в области окказио-
нального построения и использования эмоцио-
нально-оценочных адъективных композитов ис-
пользуют в своём творчестве их современники:

И.Бунин, А.Ахматова, В.Хлебников, В.Маяковс-
кий.

*****

1. Ханпира Э. Окказиональные элементы в совре-
менной речи // Стилистические исследования. –
М.: Наука, 1972. – С.245 – 317.
2. Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные
слова в русском словообразовании // Актуальные
проблемы русского словообразования. – Самар-
канд, 1972. – С.19 – 28.
3. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтиче-
ский язык // Пражский лингвистический кружок.
– М.: Прогресс, 1967. – С.406 –131.
4. Александрова О.И. Русское поэтическое слово-
творчество // Художественная речь. – Куйбышев:
Изд-во Куйбышев. ун-та, 1980. – С.91 –142.
5. Пахомова М.А. Окказиональные слова и словари
окказионализмов // Вестник Московского госу-
дарственного гуманитарного университета
им.М.А.Шолохова. Филологические науки. –
2013. – №3. – С.79 – 87.
6. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном
тексте. Структурно-семантический анализ: Учеб-
ное пособие / Калинингр. ун-т. – Калининград,
1997. – 84 с.
7. Салмина Л.М. Язык и познание: учебное пособие
для вузов / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань:
Казан. гос. ун-т, 2009. – 88 с.
8. Гофман В. Язык символистов // Литературное на-
следство. –1937. – №27 – 28. –С. 54 – 105.
9. Жирмунский В.М. Метафора в поэтике русских
символистов // Новое литературное обозрение. –
1999. – №35. – С.222 – 249.
10. Миц З.Г. Символ у Блока // В мире Блока. – М.:
Сов. писатель, 1981. – С. 172 – 208.
11. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской
поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
12. Корнеева Т.А. Теоретические аспекты поэтиче-
ского словотворчества символистов // Филология
и культура. Philology and Culture. – 2012. – №1
(27). – С.38 – 42.
13. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 2 томах. –
Можайск: Можайск-Терра, 1994. – Т.1. – 831 с.
14. Блок А. Собрание сочинений в 6 томах. – Л.: Ху-
дож. лит., 1980. – Т.2. – 470 с.
15. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. –
М.: Худож. лит., 1973. – Т.1. – 670 с.
16. Блок А. Собрание сочинений в 6 томах.– Л.: Ху-
дож. лит., 1980. – Т.1 – 511 с.
17. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов.
писатель, 1976. – 560 с.
18. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. –
М.: Худож. лит., 1972. – Т.2. – 494 с.
19. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. –
М.: Худож. лит., 1974. – Т.3. – 694 с.
20. Анненский И. Стихотворения и трагедии. – Л.:
Сов. писатель, 1982. – 640 с.
21. Корнеева Т.А. Оксюморонные композиты в по-
этическом языке // Русский язык: функциониро-

- вание и развитие. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – Т.2. – С. 33–36.
22. Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 238 – 247.
23. Лахманн Р. К поэтике оксюморона (на примере стихотворения Даниэля Наборовского «Krotkosc zywota») // Лотмановский сборник. Т.2. – М.: Изд-во РГГУ, Изд-во ИЦ-Гарант, 1997. – С. 58 – 59.
24. Москвин В.П. Антитеза или оксюморон? // Русский язык в школе. – 2000. – №2. – С. 92 – 93.
25. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 2 томах. – Можайск: Можайск-Терра, 1994. – Т.2. – 703 с.
26. Коневский И. Стихи и проза. – М.: Скорпион, 1904. – 256 с.
27. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. – М.: Сов. писатель, 1990. – 714 с.
28. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР, Ин-т рус.яз. – М.: Русск. яз., 1993. – Т. 4. – 573 с.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE EMOTIONAL AND EVALUATIVE ADJECTIVAL OXYMORON COMPOSITES IN THE POETIC LANGUAGE

T.A.Korneyeva

The article is devoted to the structural and semantic features of new adjectival composites in the poetic language of Russian symbolists, particularly emotional and evaluative adjectival composites, comprising oxymoron parts of generating elements, and their impact on the particular poetic language of the late 19th – early 20th centuries.

Key words: poetic language, adjectival composites, oxymoron, occasional derivation, Russian symbolist poets.

*****

1. Hanpira Je. Okkazonal'nye jelementy v sovremennoj rechi // Stilisticheskie issledovanija. – М.: Nauka, 1972. – S.245 – 317. (In Russian)
2. Zemskaja E.A. Okkazonal'nye i potencial'nye slova v russkom slovoobrazovanii // Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovanija. – Samarkand, 1972. – S.19 – 28. (In Russian)
3. Mukarzhovskij Ja. Literaturnyj jazyk i pojeticheskij jazyk // Prazhskij lingvisticheskij kruzhek. – М.: Progress, 1967. – S.406 – 131. (In Russian)
4. Aleksandrova O.I. Russkoe pojeticheskoe slovotvorcestvo // Hudozhestvennaja rech'. – Kujbyshev: Izd-vo Kujbyshev. un-ta; 1980. – S.91 – 142. (In Russian)
5. Pahomova M.A. Okkazonal'nye slova i slovari okkazonalizmov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im.M.A.Sholohova. Filologicheskie nauki. – 2013. – №3. – S.79 – 87. (In Russian)
6. Babenko N.G. Okkazonal'noe v hudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskij analiz: Uchebnoe posobie / Kaliningr. un-t. – Kaliningrad, 1997. – 84 s.
7. Salmina L.M. Jazyk i poznanie: uchebnoe posobie dlja vuzov / Kazan. gos. un-t, filol. fak. – Kazan': Kazan. gos. un-t, 2009. – 88 s. (In Russian)
8. Gofman V. Jazyk simvolistov // Literaturnoe nasledstvo. – 1937. – №27 – 28. – S. 54 – 105.
9. Zhirmunskij V.M. Metafora v pojetike russkih simvolistov // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1999. – №35. – S.222 – 249. (In Russian)
10. Minc Z.G. Simvol u Bloka // V mire Bloka. – М.: Sov. pisatel', 1981. – S. 172 – 208. (In Russian)
11. Kozhevnikova N.A. Slovoupotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka. – М.: Nauka, 1986. – 254 s. (In Russian)
12. Korneyeva T.A. Teoreticheskie aspekty pojeticheskogo slovotvorcestva simvolistov // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. – 2012. – №1 (27). – S.38 – 42. (In Russian)
13. Bal'mont K.D. Sobraie sochinenij: v 2 tomah. – Mozhajsk: Mozhajsk-Terra, 1994. – Т.1. – 831 s. (In Russian)
14. Blok A. Sobraie sochinenij v 6 tomah. – L.: Hudozh.lit., 1980. – Т.2. – 470 s. (In Russian)
15. Brjusov V. Sobraie sochinenij v semi tomah. – М.: Hudozh.lit., 1973. – Т.1. – 670 s. (In Russian)
16. Blok A. Sobraie sochinenij v 6 tomah. – L.: Hudozh.lit., 1980. – Т.1 – 511 s. (In Russian)
17. Ivanov Vjach. Stihotvorenija i pojemy. – L.: Sov. pisatel', 1976. – 560 s. (In Russian)
18. Brjusov V. Sobraie sochinenij v semi tomah. – М.: Hudozh. lit., 1972. – Т.2. – 494 s. (In Russian)
19. Brjusov V. Sobraie sochinenij v semi tomah. – М.: Hudozh. lit., 1974. – Т.3. – 694 s. (In Russian)
20. Annenskij I. Stihotvorenija i tragedii. – L.: Sov. pisatel', 1982. – 640 s. (In Russian)
21. Korneyeva T.A. Oksjumoronnye kompozity v pojeticheskom jazyke // Russkij jazyk: funkcionirovanie i razvitie. – Kazan': Kazan. un-t, 2012. – Т.2. – S. 33 – 36. (In Russian)
22. Pavlovich N.V. Semantika oksjumorona // Lingvistika i pojetika. – М.: Nauka, 1979. – S. 238 – 247. (In Russian)
23. Lahmann R. K pojetike oksjumorona (na primere stihotvorenija Danijelja Naborovskogo «Krotkosc zy-

- wota») // Lotmanovskij sbornik. T.2. – M.: Izd-vo RGGU, Izd-vo IC-Garant, 1997. – S. 58 – 59. (In Russian)
24. *Moskvin V.P.* Antiteza ili oksjumoron? // Russkij jazyk v shkole. – 2000. – №2. – S. 92– 93. (In Russian)
25. *Bal'mont K.D.* Sobranie sochinenij: v 2 tomah. – Mozhajsk: Mozhajsk-Terra, 1994. – T.2. – 703 s. (In Russian)
26. *Konevskij I.* Stihi i proza. – M.: Skorpion, 1904. – 256 s. (In Russian)
27. *Brjusov V.Ja.* Sredi stihov: 1894-1924: Manifesty, stat'i, recenzii. – M.: Sov. pisatel', 1990. – 714 s.
28. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 20 t. / AN SSSR, In-t rus.jaz. – M.: Russk. jaz., 1993. – T. 4. – 573 s. (In Russian)

* * * * *

Корнеева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: tatyana.tak1110@gmail.com.

Korneyeva Tat'yana Aleksandrovna – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Instruction, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: tatyana.tak1110@gmail.com.

Поступила в редакцию 20.01.2014